

- ¹ См.: Механизм формирования внешней политики США / Отв. ред. Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесный. М., 1986. С. 51.
- ² См.: Лафитский В.И. Основы конституционного строя США. М., 1998. С. 176.
- ³ См.: Иванов Ю.А. Конгресс США и внешняя политика. Возможности и методы влияния (1970–1980 гг.). М., 1982. С. 71.
- ⁴ См.: Белоногов А.М. Белый дом и Капитолий – партнеры и соперники. М., 1974. С. 41.
- ⁵ См.: Савельев В.А. США: сенат и политика. М., 1976. С. 132.
- ⁶ Мишин А.А. Принцип разделения властей в конституционном механизме США. М., 1984. С. 65.
- ⁷ См.: Сахаров Н.А. Институт президентства в современном мире. М., 1994. С. 77.
- ⁸ См.: Мартыненко П.Ф. Современные буржуазные теории о внешних сношениях государств (Федерализм и внешние сношения в конституционном праве США). Киев, 1970. С. 66.
- ⁹ Белоногов А.М. Указ. пр. С. 17.
- ¹⁰ Белоногов А.М. Там же. С. 18.
- ¹¹ См.: Белоногов А.М. Там же. С. 36.
- ¹² См.: Белоногов А.М. Там же. С. 79.
- ¹³ См.: Белоногов А.М. Там же. С. 145.
- ¹⁴ См.: Белоногов А.М. Там же. С. 147.
- ¹⁵ См.: Мишин А.А. Указ. пр. С. 139.
- ¹⁶ См.: Четвериков С.Б. Кто и как делает политику США. М., 1974. С. 85.
- ¹⁷ См.: Ныпорко Ю.И. Конституционные взаимоотношения Президента и Конгресса США в области внешней политики. Киев, 1979. С. 35.
- ¹⁸ См.: Петров В.Ф. Как делается внешняя политика США. М., 1966. С. 14.
- ¹⁹ См.: Механизм формирования внешней политики США / Отв. ред. Г.А. Трофименко и П.Т. Подлесный. М., 1986. С. 45.
- ²⁰ См.: Алебастрова И.А. Основы американского конституционализма. М., 2001. С. 89.
- ²¹ См.: Четвериков С.Б. Указ. пр. С. 79.
- ²² См.: Четвериков С.Б. Там же. С. 82.
- ²³ См.: Ныпорко Ю.И. Указ. пр. С. 111.
- ²⁴ См.: Ныпорко Ю.И. Там же. С. 112.
- ²⁵ См.: Иванов Ю.А. Указ. пр. С. 8.
- ²⁶ См.: Сахаров Н.А. Указ. пр. С. 88.

Поступила в редакцию 13.11.2002.

Николай Александрович Лычагин – аспирант кафедры конституционного права. Научный руководитель – доктор юридических наук, профессор Г.А. Василевич.

А.В. КОВАЛЬЧУК

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРОИЗВОДСТВО АБОРТА

Анализируются объективные и субъективные признаки преступления, предусмотренного ст. 156 Уголовного кодекса Республики Беларусь. С целью четкого разграничения криминального аборта и убийства предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства в сфере охраны человеческой жизни.

Objective and subjective signs of crime, indicated in art. 156 of the Criminal code of the Republic of Belarus are analyzed in the article. The ways of improving criminal legislature (in the sphere of man's life protection) are proposed in order to distinguish criminal abortion and deliberate murder.

Приказом Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 5 апреля 1994 г. № 71 регламентируется прерывание беременности в поздние сроки по медицинским, медико-генетическим и социальным показаниям. Медицинские показания для прерывания беременности в основном обусловливаются экстрагенитальными заболеваниями, при которых сохранение беременности представляет опасность для жизни и здоровья женщины. Медико-генетические показания к прерыванию беременности связаны с пороками развития плода (не совместимые с жизнью, не поддающиеся коррекции). По медицинским и медико-генетическим показаниям беременность прерывается в любые сроки. Социальные показания для прерывания беременности разнообразны (беременность после изнасилования, смерть мужа во время беременности, наличие трех и более детей и т. п.), по ним беременность может прерываться до 22-й недели включительно.

В современной медицине абортom называется прерывание беременности до наступления срока жизнеспособности плода (до 22-й недели внутриутробного развития включительно). Различают аборт ранний – прерывание беременности до 12 недель включительно и поздний – прерывание беременности начиная с 13 недель и до 22-й недели включительно. Уголовно-правовое понятие аборта шире медицинского аналога, поскольку включает в себя и проведение абортивных действий после 22 недель беременности до начала родовой деятельности у матери.

Согласно ст. 156 УК производство аборта признается незаконным, если оно совершается в нарушение установленного порядка или при наличии противопоказаний врачом, имеющим высшее медицинское образование соответствующего профиля (акушером-гинекологом) – ч. 1; либо иным лицом, не имеющим высшего образования соответствующего профиля, в любом случае – ч. 2. В ч. 3 ст. 156 УК в качестве особо квалифицированного состава называются действия, предусмотренные частями первой и второй настоящей статьи, повлекшие по неосторожности смерть женщины либо причинение ей тяжкого телесного повреждения.

Непосредственным объектом незаконного производства аборта, по мнению одних авторов, является здоровье женщины¹, другие в качестве такового указывают не только здоровье, но и жизнь², третьи, признавая объектом незаконного прерывания беременности жизнь и здоровье беременной женщины, считают, что данным преступлением вред наносится “интересам нормального воспроизводства населения”, “здоровью настоящего и будущего поколения”³. Существует и еще одна точка зрения: непосредственным объектом аборта называется порядок его производства, а жизнь и здоровье женщины выступают в качестве дополнительных объектов⁴. Полагаем, что в данном случае объект преступления четко определяется его субъектом. Согласно действующему законодательству беременная женщина, подстрекающая иное лицо к производству незаконного прерывания беременности, уголовной ответственности не подлежит. Подобная ситуация возможна, только если объектом криминального аборта выступают жизнь и здоровье беременной женщины: нанесение себе телесных повреждений независимо от степени тяжести и даже причинение смерти, в том числе и посредством других лиц, уголовно ненаказуемо. Иная трактовка объекта преступления, предусмотренного ст. 156 УК (например, признание объектом криминального аборта порядка его производства), обуславливает необходимость привлечения к уголовной ответственности беременной женщины за склонение другого лица к совершению данного деяния (подстрекательство). Руководствуясь современными представлениями о человеческой жизни как высшем благе, мы полагаем, что объект криминального аборта – это право на жизнь и здоровье беременной женщины. Именно такой подход соответствует цели всемерной охраны прав и свобод человека. Вынашиваемый ребенок при действующей редакции статьи, устанавливающей уголовную ответственность за незаконное прерывание беременности, рассматривается как часть организма женщины, а не самостоятельное живое существо.

Объективная сторона криминального аборта заключается в незаконном совершении действий, направленных на прерывание беременности и создавших угрозу жизни и здоровью беременной женщины либо причинивших ей вред. С этого момента преступление признается оконченным независимо от того, произошло ли плоудоизгнание или нет.

Способы совершения криминальных абортов различны. К ним можно отнести как совокупность общеупотребительных в медицине методов, приемов и препаратов, так и “традиционные” народные средства. В большинстве случаев – введение растворов различной консистенции и механических средств во влагалище, цервикальный канал и полость матки, так как такие

действия не требуют специальных знаний и навыков, легко выполнимы и доступны. По мнению большинства авторов, способ, избираемый для производства аборта, не оказывает влияния на квалификацию преступления. И.И. Горелик указывает, что если аборт производится на поздних сроках и уничтожение плода происходит в чреве матери, то имеет место криминальный аборт, хотя плод был жизнеспособным. Если же абортивными действиями вызваны преждевременные роды, в результате которых родился живой ребенок, затем убитый, то имеет место совокупность криминального аборта и детоубийства⁵. Н.А. Бабий отмечает, что если результатом аборта стало появление живого ребенка либо были спровоцированы родовые схватки, то умерщвление такого младенца надлежит рассматривать только как убийство⁶. В любом варианте технология производства абортивных действий определяет квалификацию. Умерщвление плода в материнской утробе – это аборт, вне ее – убийство либо совокупность криминального аборта и убийства. Посягательства на один объект квалифицируются по-разному в зависимости от способа воздействия: лицо, совершающее аборт, должно действовать так, чтобы уничтожить плод непременно в материнской утробе, иначе оно может понести наказание за убийство. Не вполне ясно также как квалифицировать деяния, направленные на уничтожение плода, но вызвавшие преждевременные роды, родившийся в результате которых живой ребенок умирает от повреждений, полученных внутри материнской утробы.

Английским правом отравление ребенка или нанесение ему повреждения в материнской утробе, вследствие чего следует смерть после рождения, рассматривается как убийство, равно как и абортивные действия, результатом которых стало рождение живого недоношенного ребенка, умершего вследствие своей неспособности жить вне материнской утробы⁷. В УК штата Иллинойс (США) предусмотрены два случая, позволяющие квалифицировать действия виновного как простое умышленное убийство: 1) умерщвление жизнеспособного неродившегося ребенка в чреве матери; умерщвление же плода, не способного жить вне материнской утробы, считается абортom; 2) намеренное или, по крайней мере, заведомое умерщвление неродившегося ребенка, во время совершения которого виновный необоснованно предполагает наличие обстоятельств, его оправдывающих. Аналогичная норма содержится и в УК штата Пенсильвания. Простое умышленное убийство нерожденного ребенка является фелонией 1-го класса, за которую суд может назначить тюремное заключение на срок от четырех до пятнадцати лет⁸.

Подобные положения высказываются и в российской уголовно-правовой литературе. Так, А.Н. Попов предлагает следующий подход к квалификации таких действий:

“1. Умышленное искусственное прерывание беременности при сроке более 22-х недель при отсутствии медицинских показаний, т. е. условий крайней необходимости, следует признавать убийством.

2. В случае, если было естественное или искусственное прерывание беременности при сроке беременности более 22-х недель, умерщвление появившегося из утробы матери живого ребенка необходимо квалифицировать как убийство.

3. Посягательство на жизнь ребенка, находящегося в утробе матери, при сроке беременности свыше 22-х недель также должно признаваться убийством, ибо местонахождение ребенка в момент посягательства на его жизнь в данном случае никакого принципиального значения не имеет”⁹.

Приведенные выше положения представляются несколько спорными в силу того, что А.Н. Попов отождествляет прерывание беременности после достижения плодом жизнеспособности, повлекшее его гибель, с убийством,

т. е. умышленным лишением жизни другого человека. Вместе с тем совершенно очевидно, что общественная опасность криминального аборта, производимого на поздних сроках беременности (свыше 22 недель), значительно выше, нежели раннего аборта. Фактически лицо, производящее прерывание беременности, посягает не только на жизнь и здоровье матери, но и на плод, способный жить вне материнского организма. В этом свете более логичной выступает точка зрения Т.А. Лаврентьевой, полагающей, что лицо, приступая к умерщвлению плода в материнской утробе со сроком беременности свыше 28 недель (на время написания ее диссертации указанный срок считался моментом достижения плодом жизнеспособности – стадии развития плода, на которой он потенциально способен жить вне материнской утробы; теперь данный период составляет 22 недели), не исключает возможности рождения жизнеспособного живого ребенка, своими действиями создает опасность для жизни и здоровья способного к автономному внеутробному существованию жизнеспособного, но недоношенного плода, и, следовательно, содеянное можно квалифицировать как нечто пограничное между абортom и убийством и рассматривать его как самостоятельный вид преступления¹⁰. Субъективная сторона такого преступления должна включать в себя осознание виновным лицом факта достижения плодом жизнеспособности и желание либо сознательное допущение смерти плода в результате абортивных действий.

Существует много фактов, подтверждающих такой подход. Рождающийся в результате преждевременных родов пяти-, шести-, семимесячный ребенок благодаря достижениям современной науки имеет достаточно большие шансы на выживание. По данным П. Даина, в «Материнской больнице» Бристолья (Англия) в 1980 г. выживало 29 % детей в возрасте 22–27 недель, в 1982 – 43 %, в 1984 – 72 %¹¹. Как правильно замечает М.Н. Малейна, «...количественные характеристики жизнеспособности будут меняться и законодательство должно своевременно отражать эти изменения»¹². В европейских странах выделяют четыре типа законодательства об абортax: разрешение аборта по просьбе женщины (Беларусь); разрешение аборта по медицинским и социальным показаниям; разрешение аборта только при наличии определенных в законе обстоятельств: угроза физическому и психическому здоровью женщины, инкурабельные дефекты плода, изнасилование и инцест; разрешение аборта лишь в исключительных случаях, в ситуации крайней необходимости с целью спасения женщины¹³.

Не отстаивая полный запрет абортов, полагаем необходимым пересмотреть максимально возможные сроки и критерии его производства. Кроме того, следует согласиться с Г.А. Василевичем, отметившим, что юридические аспекты производства абортов должны определяться не в ведомственных нормативных актах, а в законе¹⁴. Производство абортов на значительных сроках беременности должно быть сведено к минимуму: в случаях выявления генетической патологии плода либо с целью избежания нанесения серьезного вреда жизни и здоровью беременной женщины. На данный момент в этой сфере в Беларуси складывается катастрофическая ситуация. Несмотря на интенсивные мероприятия по пропаганде и популяризации контрацепции, искусственные аборты совершаются чаще, чем роды (в зависимости от региона соотношение родов к абортam колеблется от 1:1 до 1:2). В последнее время в десятки раз возросла частота прерывания беременности на поздних сроках, причем в большинстве случаев это обусловлено социальными показаниями у подростков¹⁵.

Субъективная сторона криминального аборта характеризуется прямым умыслом, при котором виновный сознает, что нарушает требования, предъявляемые к операции искусственного прерывания беременности, и предвидит, что в результате его действий будет создана опасность для жизни и

здоровья беременной женщины. В отношении ч. 3 ст. 156 УК имеет место сложная вина, характеризующаяся прямым умыслом на незаконное производство аборта и неосторожностью к наступившим последствиям в виде тяжкого телесного повреждения или смерти женщины.

Субъектом незаконного производства аборта, предусмотренного ч. 1 ст. 156 УК, является врач, имеющий высшее медицинское образование соответствующего профиля (акушер-гинеколог), произведший аборт вне стационарного медицинского учреждения, в стационарном учреждении, но с нарушением установленного порядка либо при наличии противопоказаний. Субъектом незаконного производства аборта, предусмотренного ч. 2 ст. 156 УК, может быть любое физическое лицо, достигшее возраста 16 лет, включая врача со специальностью «акушер-гинеколог» (несущего ответственность по ч. 1 настоящей статьи). Субъектом преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 156 УК, может быть как акушер-гинеколог, так и иное физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Аборты, производимые на поздних сроках беременности, часто имеют своим последствием, кроме вреда, причиненного жизни и здоровью женщины, преждевременные роды. В связи с этим, а также с необходимостью разграничения самоаборта, произведенного женщиной (непреступного), и убийства матерью новорожденного ребенка (преступного) возникает задача установления грани, разделяющей убийство и плодозигнание. Решение этой проблемы возможно лишь при правильной констатации начального момента человеческой жизни, дающего старт качественно новому уровню существования организма и уголовно-правовой охране жизни. В юридической литературе выделяются следующие подходы к определению начального момента охраны автономной человеческой жизни: отделение плода от тела матери; прорезание плода из тела матери; начало самостоятельного дыхания; начало родов; момент перерезания пуповины¹⁶.

Кроме указанных критериев определения начала уголовно-правовой охраны самостоятельной жизни человека, полагаем возможным выделить такой, как достижение плодом жизнеспособности (на данный момент 22-е недели внутриутробного развития), а также различные комбинации всех вышеперечисленных подходов. Считаем, что плод, развивающийся в материнской утробе, становится потенциальным субъектом права на жизнь после достижения жизнеспособности, но только наличия у плода определенного внутриутробного возраста недостаточно. Посягательство на жизнь плода следует признавать убийством, если оно совершается после начала родовой деятельности у матери. Понятие «родовая деятельность», являясь более широким понятием, чем «родовые схватки», имеет место при всех видах родов: физиологических; индуцированных (искусственно вызванных родах по показаниям со стороны матери или плода, а также по сочетанным показаниям, частота индуцированных родов составляет 10–20 % от общего числа); программированных (элективных) родах (искусственно вызванных родах, которые проводятся в срок без медицинских показаний при зрелом плоде и подготовленной шейке матки в произвольно выбранное время, оптимальное для матери, плода, акушерского учреждения), а, следовательно, применять его в данном случае корректнее. Иные подходы не в полной мере соответствуют одной из основных задач уголовного закона – всемерной охране человека как высшей социальной ценности и цели общества, необоснованно отдаляя начало правовой охраны жизни либо создавая сложности в своем практическом применении.

В этой связи полагаем, что границей между незаконным производством аборта и убийством выступает момент начала родовой деятельности у матери после достижения плодом жизнеспособности. Любое лицо (в том числе и мать ребенка), производящее после наступления этого момента какое-

либо посягательство на жизнь способного к внеутробной жизни младенца, совершает убийство. В ситуации, когда в результате незаконного аборта рождается живой недоношенный ребенок, действия, направленные на его умерщвление, следует квалифицировать как совокупность криминального аборта и убийства.

Если же женщина сама совершает действия, направленные на прерывание беременности (самоаборт), и умерщвляет родившегося в их результате жизнеспособного ребенка, она несет ответственность только за убийство, ответственность за незаконное производство аборта исключается.

С целью устранения неоднозначного определения начала и окончания охраны жизни целесообразно включение в УК примечания к ст. 139:

“Примечание. Уголовно-правовая охрана жизни человека начинается одновременно с родовой деятельностью после достижения плодом жизнеспособности и заканчивается после констатации биологической смерти (смерти мозга)”.

¹ См.: Мендельсон Г. А. Ответственность за производство незаконного аборта по советскому уголовному праву в свете Указа Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1955 г. «Об отмене запрещения абортов». М., 1957. С. 16.

² См.: Горелик И. И. Квалификация преступлений, опасных для жизни и здоровья. Мн., 1973. С. 85.

³ Шаргородский М. Д. Преступления против жизни и здоровья. М., 1948. С. 418.

⁴ См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. Мн., 2002. С. 114.

⁵ См.: Горелик И. И. Указ. пр. С. 82.

⁶ См.: Уголовное право Республики Беларусь. Особенная часть: Учеб. пособие / Под ред. Н.А. Бабия, И.О. Грунтова. Мн., 2002. С. 114.

⁷ См.: Hogan B., Smith G. S. Criminal Law. 5-th edition. London, 1983. P. 274–275.

⁸ См.: Никифоров А. С. Ответственность за убийство в современном уголовном праве. М., 2000. С. 22–23.

⁹ Попов А. Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 32.

¹⁰ См.: Лаврентьева Т. А. Ответственность за незаконное производство аборта по советскому уголовному праву: Дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 1974. С. 68.

¹¹ См.: Уилки Дж., Уилки Б. Аборт: Вопросы и ответы. М., 1994. С. 27–28.

¹² Малейна М. Н. О праве на жизнь // Советское государство и право. 1992. № 2. С. 50–59.

¹³ См.: Попов А. Н. Указ. пр. С. 13–14.

¹⁴ См.: Василевич Г. А. Конституция Республики Беларусь (научно-практический комментарий). Мн., 2001. С. 108.

¹⁵ См.: Дуда Вл. И., Дуда В. И., Дуда И. В. Гинекология. Мн., 2002. С. 539.

¹⁶ См.: Кондрашева Т. В. Проблемы уголовной ответственности за преступления против жизни, здоровья, половой свободы и неприкосновенности. Екатеринбург, 2000. С. 12–13.

Поступила в редакцию 12.11.2003.

Андрей Викторович Ковальчук – аспирант кафедры уголовного права. Научный руководитель – кандидат юридических наук, доцент В.В. Тимощенко.

